

УДК 821.133.1

ТЕМА ФАВОРИТИЗМА В «СЕКРЕТНЫХ МЕМУАРАХ» О РОССИИ Ш.МАССОНА

© 2011 А.Р.Ощепков

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина

Статья поступила в редакцию 14.01.2011

В данной статье анализируется трактовка темы фаворитизма и ее художественное воплощение в книге французского литератора Ш.Массона «Секретные мемуары», выявляются некоторые приемы создания портретов представителей российской политической элиты екатерининской эпохи.

Ключевые слова: фаворитизм, «литература анекдотов», просветительский универсализм, образ Другого, нравственно-психологический портрет, классическая историография.

Книга Шарля Франсуа-Филибера Массона (1762 – 1807) «Секретные мемуары о России, и главным образом о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I» (1800), являющаяся ярким примером «литературы анекдотов», стала первой, изданной в XIX столетии книгой о России, основанной на живых, непосредственных наблюдениях и впечатлениях ее автора и оказала существенное влияние на последующие произведения о России в жанре путевых заметок и мемуаров. По оригинальности суждений о России, широте взгляда, Массон уступает своим великим предшественникам – Вольтеру, Дидро, Ж.-Ж.Руссо, Монтескье, но, в отличие от большинства из них, этот скромный и почти забытый ныне французский литератор и военный не просто побывал в России, но прожил в нашей стране десять лет с 1786 по 1796 гг. За республиканские взгляды по распоряжению Павла I Массон был выслан из России. В 1799 г. он обосновался в Пруссии, где в 1800 г. и опубликовал свою книгу. В том же году она была издана в Париже. «Секретные мемуары» Массона имели успех, вскоре были переведены на английский и датский языки, неоднократно переиздавались во Франции (в 1802, 1804, 1859 годах).

Первая часть книги, самая оригинальная, задающая модель «литературы анекдотов», – это серия медальонов, галерея нравственно-психологических портретов исторических персонажей, представителей русской политической элиты, и прежде всего двух российских императоров – Екатерины II и Павла I. В первом томе «Секретных мемуаров» из пяти разделов («тетрадей») один посвящен Екатерине II, один – Павлу I и один – фаворитам Екатерины. В

книге Массон продолжает традицию жанра салонного психологического портрета, как она была представлена в творчестве мадемуазель де Монпансье, Антуана-Бодо де Сомеза, Лабрюйера и др.¹

«Секретные мемуары» Массона – образец универсалистского просветительского подхода, демонстрирующего полное отсутствие интереса к России в ее специфической инаковости. Как писал А.Лортолари, «когда «философы» эпохи Просвещения обращают свой взгляд к Другому, то это не взгляд людей, интересующихся другими, не похожими на них людьми, но взгляд политиков, которых интересуют чужие институты, изучение которых они отрывают от конкретной исторической почвы»². Французский ученый отмечал не только универсализм просветительского подхода к Другому, но и его ангажированность. Образ Другого часто используется просветителями, дабы по контрасту с ним обличать своих оппонентов, а также злоупотребления и предрассудки во Франции, с которыми боролись просветители³.

В предисловии к первому изданию «Секретных мемуаров» Массон писал: «Напрасно в этом произведении будут искать более или менее точные географические описания, уже много раз данные другими авторами, или рассказ о дорожных приключениях. Моя цель – поделиться с публикой наиболее интересными наблюдениями и анекдотами («des anecdotes») о стране и народе, которые заслуживают того, чтобы больше узнать о них, как заслуживают они лучших правителей. Я хочу рассказать о своих наблюдениях над этой огромной импери-

¹ Ощепков Алексей Романович, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы. E-mail: ale78487000@yandex.ru

¹ О жанре салонного портрета XVII века см. подробнее: Трыков В.П. Французский литературный портрет XIX века. – М.: 1999. – С. 30 – 55.

² Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIII siècle. – P.: Ed. Contemporaines, 1951. – P. 271.

³ Lortholary A. Ibid.

ей философу и моралисту, поставив в центр моего рассказа двор, при котором я находился последние годы правления Екатерины II и в начале царствования ее сына. Я надеюсь оставить историку некоторые материалы о самом блестящем царствовании последних веков и о характере женщины, самой могущественной и самой знаменитой, которая когда-либо занимала трон со времен Семирамиды»⁴. Приведенная цитата свидетельствует о том, что Массон ориентируется на классическую историографию XVII – XVIII вв. В.А.Мезин указывает: «Анекдоты – сборники устных рассказов – были очень распространенным жанром историописания в XVIII в. Обычно это были рассказы о необыкновенных поступках или остроумных изречениях знаменитых исторических деятелей, сопровождавшиеся нравственными или политическими сентенциями автора-составителя»⁵. То же наблюдается и в книге Массона.

В предисловии к изданию 1804 г. слышится более жесткая интонация, более резкая оценка российского государства и отчетливее проявляется та самая просветительская ангажированность в отношении к Другому, о которой было сказано выше. «В тот самый момент, когда Франция только что дала отпор неистовой злобе своих врагов, а также преступлениям своих защитников, в тот самый момент, когда принципы нравственного возрождения и политического совершенствования наконец одержали верх, важно показать, что деспотизм, окопавшийся на просторах Севера («dans les déserts du Nord»), окруживший себя различными средневековыми предрассудками («de tous les préjugés gothiques») и всякими религиозными глупостями, усиливается благодаря отжившим институтам, созданным еще во времена невежества и суеверий <...>. Противостоять унижению, нищете и безнравственности закабаленного и пока еще варварского, но интересного своими качествами и своим характером народа, противостоять социальной анархии, в которой упрекают нацию, только что ее преодолевшую, показать произвол, противоречия и абсурдность самодержавной власти на фоне ошибок и отрицательных сторон республиканского правления значит внести свой вклад в то, чтобы замедлить распространение страшной реакции, только что о себе громко заявившей, и последствиями которой стало бы погружение Европы в варварст-

во и рабство»⁶. Такова была политическая задача автора «Мемуаров» о России. Очевидно, что Массон не только повторяет ставшие к началу XIX столетия литературными клише в западном дискурсе о России мотивы русского «варварства», «нищеты» и «безнравственности» русского народа, губительного влияния самодержавия на его духовный облик, но и не скрывает политической задачи – своим произведением противостоять «страшной реакции» и возможному «погружению Европы в варварство и рабство», символом которых становится для Массона Россия. Как писал Б.Г. Реизов, характеризуя особенности классической историографии, в ней «под любовью к истине понимается не исследовательская страсть, а просто «просвещенная» точка зрения на деспотов и религию, под свободой – не объективность историка, а возможность беспрепятственно излагать свои политические и философские взгляды, не трепеща перед тираном»⁷. Таким образом, близость Массона к просветительской традиции проявляется и в его понимании задач историографии.

Особая тема в книге – фаворитизм при российском дворе. Эта тема не была новой. В 1768 г. англичанин Джордж Макартни, проводя обычную для той эпохи параллель между Россией и Турцией, утверждал, что «история фаворитов и министров в России – это история пашей и великих визирей в Турции»⁸. Таким образом, фаворитизм трактовался как родовое пятно азиатской цивилизации на теле России, приобщавшейся, но еще не приобщившейся к цивилизации европейской. В трактовке этой темы автор «Секретных мемуаров» руководствуется названными выше принципами и подходами. Как уже отмечалось, вся вторая тетрадь «Секретных мемуаров» Массона, озаглавленная «Фавориты» («Des favoris»), представляет собой серию беглых зарисовок, двенадцать портретов (иногда объемом в один абзац) екатерининских фаворитов. Каждый портрет конструируется по одной и той же схеме: воинское или придворное звание фаворита, обстоятельства знакомства с ним императрицы, внешность, в которой акцент делается на физических данных (рост, сложение, фигура), лаконичная характеристика, как правило, не слишком лестная, нравственно-психологических качеств избранника императрицы, обстоятельства его смерти, реакция Екатерины на кончину фаворита и его замена новым. Фактически ничего

⁴ Masson Ch.-F. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II, et sur celui de Paul I. – P.: Chez Levrault, Schoell et Co / Nouvelle édition, 1804. – Т. 1. – P. XXVI–XXVII.

⁵ Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. – Саратов: 2003. – С. 96.

⁶ Masson Ch.-F. Op. cit. – Т. 1. – P. VI.

⁷ Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815 – 1830). – Л.: 1956. – С. 12.

⁸ Anderson M.S. Britain's discovery of Russia. 1553 – 1815. – London: Macmillan, 1958. – P. 98.

не говорится об их делах, об их роли в управлении государством Российским, об их вкладе в его укрепление. Даже портреты таких влиятельных фаворитов и крупных государственных деятелей, как граф Орлов или князь Потемкин не фиксируют их заслуг перед Российским государством. Показательно, кстати, что Массон не указывает дворянские титулы екатерининских фаворитов, называя их лишь по именам («Григорий Орлов», «Станислас Понятовский», «Сергей Солтыков» и т.д.).

Из портрета Орлова читатель ничего не узнает о его меценатской деятельности, о той поддержке, которую он оказывал наукам и искусствам (в частности, М.В.Ломоносову и Д.И.Фонвизину), о том, что он был президентом Вольного экономического общества, ставившего своей целью распространение в народе полезных сельскохозяйственных знаний, о его военных подвигах. Зато Массон считает необходимым сообщить, что Екатерина построила для него мраморный дворец и что, по слухам, Орлов был отравлен Потемкиным, который напоил его настоем «пьяной травы», что привело к тяжелой психической болезни, сумасшествию и смерти Орлова. Заявлявший о своем стремлении быть правдивым, Массон не стесняется пересказывать слухи⁹, как не стесняется он сообщить, что «гордый, могущественный, блестящий Орлов умер в ужасном слабоумии, вымазав себе лицо экскрементами <...>»¹⁰, а любимый фаворит Екатерины – Василий Ланской, якобы отравленный все тем же Потемкиным, скончался в ужасных мучениях, испытывая страшные боли в животе¹¹.

В портрете Потемкина Массон сообщает: «...Рассказ о подробностях политической деятельности Потемкина увел бы меня слишком далеко»¹². Неясно, от повествования о каких важных событиях или фактах жизни Потемкина боится уйти далеко автор? Как и в портрете Орлова, сообщается о «варварской роскоши его (Потемкина – А.О.) особняка», о помпезности празднеств, устраиваемых Потемкиным и даже о безумной стоимости супа из стерляди, любимого блюда Потемкина¹³. Читатель узнает также о том, что влиятельный и богатый вельможа посылал курьеров за сотни верст, чтобы достать и привезти арбуз или букет для своих любовниц. Автор сообщает, что Потемкин был един-

ственным из фаворитов Екатерины, кто действительно любил ее. Далее он живописует подробности болезни и смерти Потемкина, сообщает об обмороках императрицы, узнавшей о кончине своего фаворита и о том, что ей вынуждены были пускать кровь¹⁴. И ни слова о блестящих победах Потемкина в русско-турецкой войне (у Ольты, в Цыбрах), об уничтожении им Запорожской сечи, о его роли в присоединении Крыма к России, в сооружении Черноморского флота. О заслугах Потемкина сказано в нескольких строчках: похвалы Массона Потемкин удостоился за то, что он, в отличие от других фаворитов, хотя и был сказочно богат и имел доступ к казне, но огромные деньги тратил на государственные нужды. В финале Массон констатирует, что Потемкин сохранил доверие Екатерины, даже перестав быть ее любовником, и что он показал себя «государственным мужем России» («grand-prince de Russie»)¹⁵. Однако эту декларацию, не подкрепленную конкретными фактами, эпизодами, рассказывающими о государственной деятельности Потемкина, заслоняют пикантные подробности его отношений с любовницами, образ вельможи, сказочно богатого и закончившего свои дни по дороге в Очаков на обочине проезжей дороги.

В изображении Массона все фавориты Екатерины – всего лишь бледные тени ее могущества и всевластия, или, как пишет мемуарист, «всего лишь инструмент наслаждения»¹⁶. Алчные, властолюбивые и амбициозные, они, в сущности, незначительные людишки (с чуть большим уважением Массон относится к Орлову и Потемкину), прихоть императрицы вознесенные на вершины власти и богатства. Так, последний фаворит Екатерины, по утверждению Массона, привлек внимание императрицы, прибывшей в Царское Село, только потому, что в ее окружении не оказалось больше ни одного молодого офицера¹⁷. Все они люди невысоких нравственных качеств. Корсаков был «неблагодарным и неверным», Потемкин отравил Орлова, а затем и Ланского, Ермолов не понравился Потемкину, и тот вскоре добился его отставки, Момонов завел роман с княгиней Щербатовой и т.д. Портреты фаворитов добавляют новые и отнюдь не светлые краски к портрету российской императрицы, становятся дополнительными штрихами, иллюстрирующими тезис Массона о подверженности Екатерины страстям, ее «неразумности» в просветительском смысле этого слова. Однако даже на этом критичном фоне выделяется портрет Суворова, выполнен-

⁹ Также со ссылкой на молву Массон рассказывает о том, что якобы Потемкин отравил и нового фаворита Екатерины Василия Ланского, возраставшего влияния которого опасался (*Masson Ch.-F. Op. cit.* – P. 156).

¹⁰ *Masson Ch.-F. Ibid.* – P. 147.

¹¹ *Ibid.* – P. 156.

¹² *Ibid.* – P. 149.

¹³ *Ibid.* – P. 148.

¹⁴ *Ibid.* – P. 151.

¹⁵ *Ibid.* – P. 153.

¹⁶ *Ibid.* – P. 136.

¹⁷ *Ibid.* – P. 139.

ный в гротесковой манере. В изображении Массона великий полководец предстает старым безумцем, который, прихрамывая, бежит по улицам в сопровождении потешающейся над ним детворы, от которой он пытается отбиться, бросая в нее яблоки и крича: «Я Суворов! Я Суворов!». «Он был свиреп от природы, и жестокость заменяла ему храбрость. Он проливал кровь инстинктивно, как тигр! <...> «Чудовище заключено в этом обезьяньем теле», — заключает рассказчик¹⁸. Массон отказывает Суворову в полководческом таланте. «Его грубые и бурлескные манеры внушали солдатам слепое доверие к нему, которое заменяло ему военные таланты и было подлинной причиной его успехов»¹⁹. За этими инвективами следует, как это часто бывает у Массона, серия исторических анекдотов о чудачествах и жестокостях Суворова. Объяснение столь явной неприязни к Суворову содержится в тексте «Секретных воспоминаний». Оказывается, как утверждает Массон, «ненависть Суворова к французам была чрезвычайной», и он неоднократно просил в письмах к Екатерине послать его воевать против Франции²⁰.

Таким образом, Массон создает мифологизированный образ российского фаворитизма, в значительной степени ориентируясь на традицию французской классической историографии XVII – XVIII века, жанр нравственно-психологического портрета. Важнейшие составляющие

массоновской модели описания представителей политической элиты России: поверхностность взгляда, основывающегося на старых принципах просветительского универсализма и убежденности в том, что Россия – курьез, не заслуживающий глубокого изучения в ее специфической инаковости и самобытности. Следствием просветительского универсализма является и доминантный характер массоновского дискурса о России, законом которого становится «оптика превосходства», взгляд на Россию свысока, убежденность в ее «недоцивилизованности», «варварстве», «рабстве».

В массоновских «Секретных мемуарах» нам видятся ростки той модели, истинным создателем которой в 1830 – 40-х гг. станет другой французский литератор, хорошо знакомый с книгой Ш.-Ф.Массона, Астольф де Кюстин. Отголоски массоновских оценок, образцы психологических портретов российских исторических персонажей и анекдотические сюжеты из «Секретных мемуаров» будут встречаться в книге Сильвена Марешаля «Преступления российских императоров» (1802), романе «Записки учителя фехтования» (1840) и «Путевых впечатлениях. В России» (1865 – 1866) А.Дюма-отца и у других авторов.

¹⁸ Masson Ch.-F. Ibid. – P. 293.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. – P. 297.

SUBJECT OF FAVOURITISM IN «SECRET MEMOIRS» ABOUT RUSSIA BY CH. MASSON

© 2011 A.R.Oshchepkov^o

A.S.Poushkin State Institute of the Russian Language

The article analyses the interpretation of the subject of favouritism and its representation in the book by French writer Ch. Masson «Secret memoirs» and considers some procedures of the portrait formation for the Russian political elite representatives of Catherine's epoch.

Key words: favouritism, «literature of anecdotes», image of Another, moral-psychological portrait, classic historiography.

^oAlexey Romanovich Oshchepkov, Candidate of Sc. (Philology), Assistant Professor, Chair of World Literature. E-mail: ale78487000@yandex.ru